

ЖАМБЫЛ
(Джамбул Джабаев)

ИЗБРАННОЕ

НЕПОВТОРИМЫЙ ТАЛАНТ
ИМПРОВИЗАТОРА
И ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЕ МАСТЕРСТВО
ПОСТАВИЛИ ВЕЛИКОГО КАЗАХСКОГО
АКЫНА ЖАМБЫЛА,
В ОДИН РЯД С ИЗБРАННЫМИ
ПОЭТАМИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА —
ГОМЕРОМ, ПУШКИНЫМ,
ЛЕРМОНТОВЫМ, ФИРДОУСИ.
ТВОРЧЕСТВО ЖАМБЫЛА
ВСЕГДА БУДЕТ СЛУЖИТЬ
ЛЮДЯМ ВСЕЙ ЗЕМЛИ.

НУРСУЛТАН НАЗАРБАЕВ,

Президент Казахстана

27 августа 1996 года

ЖАМБЫЛ

Жабаев

ТАҢДАМАЛЫЛАР

ЖАМБЫЛ

Джамбул
Джабаев

ИЗБРАННОЕ

Москва
«Русский раритет»
2007

ББК 84(5)-5
Ж26

Составитель
Сауле Мансурова

Жамбыл (Джамбул Джабаев).

Ж26 ИЗБРАННОЕ. – ИПЦ «Русский раритет», 2007. – 256 с.
Творчество выдающегося казахского поэта Жамбыла
Жабаева (Джамбул Джабаев) 1846–1945 гг. – стало достоя-
нием не только национальной, но и мировой литературы.

© Мансурова С.А., составление, 2007

© ИПЦ «Русский раритет», оформление,

ISBN 978-5-7034-0211-5 2007

У ПРЕДИСЛОВИЕ

многих народов мира существовали поэты – создатели подлинных шедевров мирового фольклора. Одним из них по праву остается Жамбыл Жабаев, известный за пределами нашей родины как Джамбул Джабаев, – казахский виртуоз поэтической импровизации, непревзойденный мастер лирики и одновременно острой публицистики.

Творчество акына, неистощимое по своей поэтической и социальной многогранности, вызывало восхищение не только на его родине, но и далеко за ее пределами. Жамбыл издавался на многих языках как в СССР, так и за рубежом. О нем самом до сих пор пишут статьи, защищают диссертации; его стихи давно вошли в учебники. Среди тех, кто в свое время писал о Жамбыле, были Р.Роллан, М.Шолохов. П.Тычина, Н.Тихонов, К.Симонов и другие видные литераторы и исследователи. Современники отдавали дань великому поэту потому, что он, быть может, как никто другой, был певцом и глашатаем братства и дружбы людей.

*Вернулась волшебная юность моя,
Меня окружает родная семья:*

*Со мною в богатстве кастекских долин
Любимые братья – узбек и грузин,
Татарин и русский, башкир и киргиз,
Для них моя юрта, для них мой кумыс.
Для них моя песня и сердца привет,
И дружба святая на тысячу лет!*

Так пел Жамбыл Жабаев, и эти строки мудрого патриарха народной поэзии всегда будут звучать современно.

Казахский народ оставил потомкам драгоценные памятники художественной словесности.

Свидетель двух эпох и многих социальных потрясений Жамбыл Жабаев – человек редкой судьбы. Пожалуй, история не знает ей аналога: он стал всемирно известным в 90 лет и еще 10 лет провел в стремительном творческом полете.

Появившегося на свет в феврале 1846 года, вьюжной зимой, малыша назвали именем близлежащей горы – Жамбыл. Потом все случилось так, как напутствовал Жамбына отец: возвышая свой род, он рос, становясь «приметен, как гора Жамбыл». За его плечами – обыкновенное степное детство ребенка из бедной казахской семьи в юрте из черной кошмы, скитания по Семиречью и странная мечта стать домбристом и певцом: «Мне казалось, что звенит не домбра, а мое молодое сердце... и нет уголка в степи, где меня не было бы слышно».

Четырнадцатилетним акын покинул отцовский кров, в двадцать лет пережил трагедию

любви. Получив вскоре по древней традиции благословение от своих старших собратьев, молодой поэт жадно впитывал в себя историю и искусство своих предков. Скитаясь по степи, Жамбыл создал множество произведений, сочинил блистательные поэмы о батырах Отегене и Сураншы, пел о Манасе, Коркуте и Кобланды.

И все же талант Жамбыла и его дар импровизатора наиболее ярко проявлялись через айтысы – популярнейшие в казахском народе словесно-поэтические турниры с элементами театрального действия. Можно сказать, Жамбылакын формировался по преимуществу на этом излюбленном для него самом жанре. Быстрое и острое парирование ударов противника в этом творческом поединке требовало не только поэтического дарования, воплощаемого в большом количестве и красоте степных песен, но и особой остроты ума, силы логических связей, мгновенной реакции, а также широкой осведомленности обо всем и готовых зрелых ответов на различные явления окружающей действительности. И этими качествами блестяще, как никто другой, обладал Жамбыл. Когда нужно было состязаться, он был непобедим. По образному выражению классика казахской литературы А.Нурпеисова, великий акын «вступал в бой открыто и яростно, шел на abordаж и потопил в поединках в пучине забвения не один гордый корабль, бороздивший безбрежный океан устной народной поэзии».

Раннее, дореволюционное творчество акына представляло собой гневные, едкие и

справедливые обвинения-импровизации на тягостные поборы, неправый суд, раздоры и распри между племенами, с одной стороны, и чудесные песни, мечты и надежды об обетованной стране, о легендарном батыре-печальнике и заступнике народа, с другой.

Позже, после Октябрьской революции, покоряя новую вершину творчества, поэт ожил весенним половодьем песни: он творил, как юноша, — вдохновенно, с горячим желанием.

Исключительный духовный подъем акын пережил в годы Великой Отечественной войны. Порыв души Жамбыла слился с потоком народной любви к Отчизне и острой болью за ее будущее. И само имя певца стало одним из ярких символов величия и легендарной силы духа советского народа.

Его могучий дух и талант, презрев годы и старческие недуги, в суровый час испытаний продолжал бодрствовать, служить, как и прежде, всеобщему благородному делу, и в устах его неизменно звучал боевой клич, обращенный к своим сыновьям и дочерям различных национальностей, сражавшимся на переднем крае с фашизмом. Ему всегда удавалось находить самые нужные, доходящие до сердца слова — то меткие, как пуля, разящие наповал, то мягкие и нежные, как ласка доброго дедушки, и с каждым новым стихотворением голос акына доходил до каждого солдата сквозь гром орудий. Вспомним захватывающее душу знаменитое: «Ленинградцы, дети мои! Ленинградцы, гордость моя!». В те трудные годы войны, пожалуй, во всей

советской стране он один, облаченный столь огромным моральным правом своего возраста, мог так по-отечески проникновенно, с состраданием и болью в сердце обратиться к жителям героического города на Неве.

Всеволод Вишневский, находившийся в блокадном Ленинграде, писал: «В самые тяжелые дни Ленинграда – осенью 1941 года – достойнейший Джамбул обратился к нам, защитникам города, с вдохновенным призывом. Без слез и чувства радостного волнения не могли мы читать это послание. Мы ощутили, что это письмо так же ценно, как подход сильного резерва. Народ Казахстана слал свой братский привет, любовь и дружбу, и мы шли в бой, удвоив силы...». Вера Инбер вспоминала: «В дни войны в блокадном Ленинграде, на стенах разбомбленных домов, рядом с военными сводками были развешаны стихи казахского поэта Джамбула. Нас, которым было холодно, Джамбул согревал далеким солнцем своих степей».

Поэзия Жамбыла была популярна во все времена, пользуясь подлинной любовью народа. В советский период во всей стране широко отмечалось 125-летие патриарха. Полуторазековой юбилей акына, пришедший уже на постсоветское время – 1996 год, – также торжественно был отмечен не только в Казахстане, но и за его пределами. В рамках Дней культуры Казахстана в Москве в Колонном зале Дома союзов состоялись торжественное заседание и концерт казахстанских мастеров искусств, были организованы книжная выставка в Рос-

сийской государственной библиотеке, выставка современного изобразительного искусства Казахстана в Государственном музее народов Востока. Насыщенные юбилейные мероприятия состоялись в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. В городе на Неве торжественно открыта мемориальная доска на улице Жамбыла, проведены встречи писателей Казахстана с интеллигенцией города, концерты в Выборге и Волхове. За год до этого, выступая на торжественном заседании, посвященном 150-летию Абая, Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев подчеркнул, что завещание великого поэта: «Люби, мой брат, все человечество» – выражает основополагающий принцип всечеловеческого единства и братства. Это в полной мере можно отнести и к творчеству Жамбыла.

Жамбыл в «мужественных в своей простоте» эпических произведениях (М.Шолохов), уходящих корнями в народное творчество и питаемых жизнью, воспевал величество человеческого духа. Один за другим к поэзии всенародно известного акына обращаются все новые переводчики: П.Кнецов, К.Алтайский, А.Тарловский, Д.Онегин, М.Тарловский, Я.Смеляков, В.Потапова, С.Маршак, М.Исаковский, П.Шубин, Н.Сидоренко, А.Брагин, А.Жовтис, В.Котытин, П.Богданов, Д.Бродский. При жизни поэта даже образно называли Гомером своего столетия, Баяном – великаном народной поэзии.

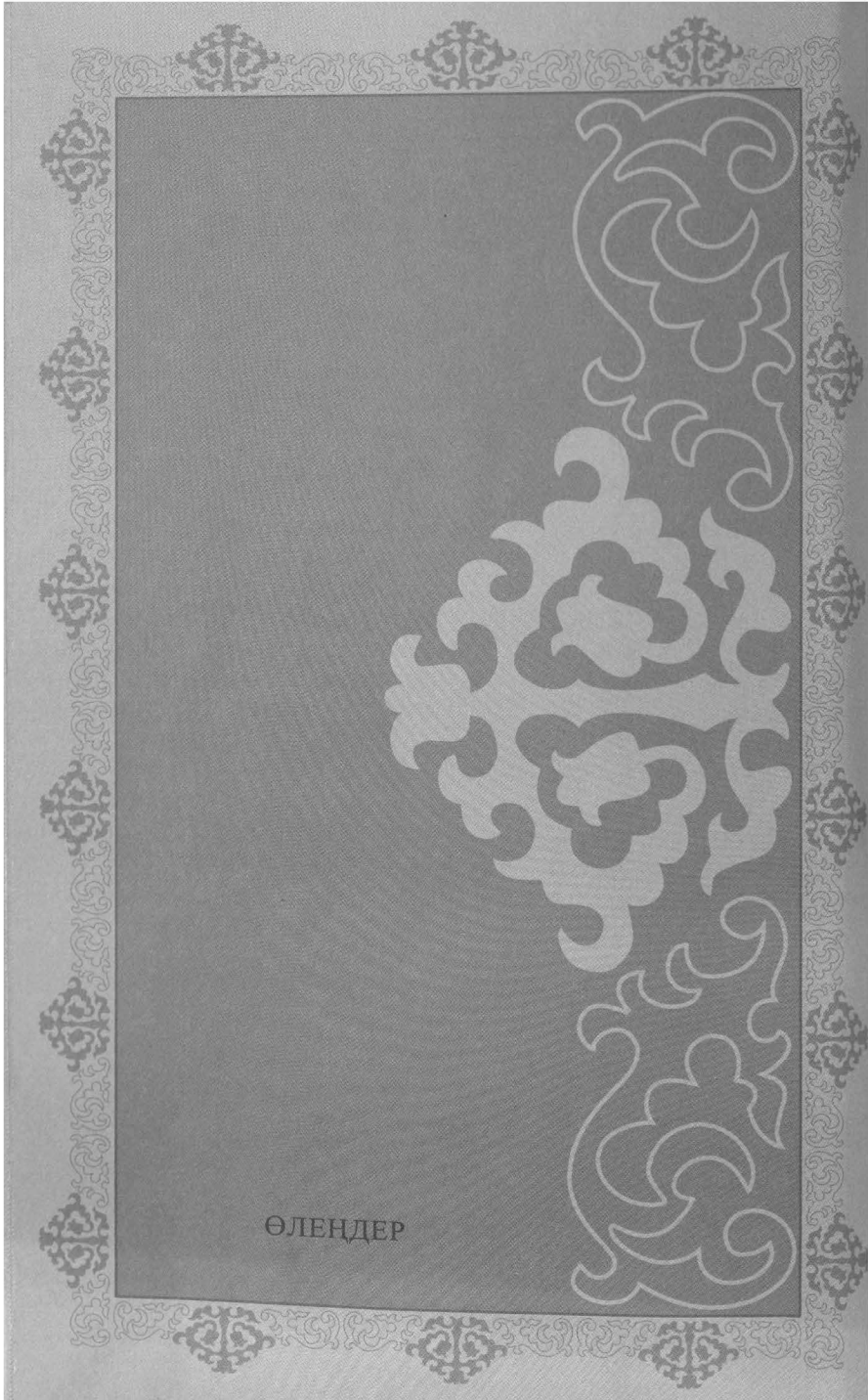
Память о нем особенно дорога для нынешнего поколения казахстанцев. Одна из областей

страны, там, где родился поэт, названа Жамбылской, район в пригороде Алматы, где он прожил практически всю свою жизнь, также носит его имя, здесь же находится замечательный музей акына. Его именем названы учебные заведения, театры, улицы и проспекты во многих городах Казахстана. Весьма примечательно то, что, например, в Северо-Казахстанской области район, в котором родились классики казахской литературы Г.Мусрепов, С.Муканов и известный казахский писатель И.Шухов, также носит название Жамбылский.

Пожалуй, наиболее обобщенно и емко отношение народа к поэту выразил в свое время В.Лебедев-Кумач на юбилейном вечере в Москве в честь 100-летия Жамбыла:

*И ты ушёл, домбру в руке сжимая,
Но песня не умрёт. Её строкам внимая,
Как о живом, мы помним о тебе...*

Сауле Мансурова

ӨЛЕНДЕР

СТИХОТВОРЕНИЯ

В АЛАТАУ
орлиных просторах большой
высоты,

Как чалые кони, вздыбились хребты.
Над всем Джетысу поднялся Алатау,
Исполнен величия и красоты.

Снега на вершинах мерцание льют,
Косматые тучи нашли там приют.
Они, золотясь, при закате клубятся
И тайны жемчужных вершин стерегут.

С покрытых снегами и льдами громад
Кипит, низвергается, бьет водопад,
Гремит валунами и пеной играет,
Из радужных брызг надевая халат.

Снега и орлы высоко в небесах,
А ниже – дремучих лесов полоса.
Зеленые сосны звенящею хвоей
Поют свои дикие песни в лесах...

В садах под плодами ломается сук,
В них сочные яблоки, сладкий урюк.
В горах созревают пурпурные вишни,
Ковры земляники алеют вокруг.

В лугах, зеленеющих, как изумруд,
Джейраны и туры кочевье ведут,
Багровые лисы и снежные барсы,
Медведи и волки в ущельях живут.

В долине меж гор под парящим орлом
Густой синевою блестит водоем,
Веселые стаи играющей рыбы
Мерцают в воде голубым серебром.

На склонах трава от лучей золота,
Луга в бирюзовых и желтых цветах,
А ниже, в напевном журчанье арыков,
Столица – красавица Алма-Ата.

Богат Алатау! В чалме изо льда
Врагам он богатства свои не отдал,
Озера и руды, сады и джайляу
Отдал он героям борьбы и труда.

А там, за хребтом Алатау, видна
Под облачным небом чужая страна,
Где гуляет по глинистым фанзам
И теплой кровью дымится война.

Джамбул с высоты озирает овраг –
Не скрыт ли там хитрый озлобленный враг?
Над белою войлочной юртой Джамбула,
Как пламя, колышется маковый флаг!

В НА ДЖАЙЛЯУ

то раннее утро не парил зной,
Стояла в степи тишина,
Но Ер-Назар, мой колхоз родной,
Вставал уже ото сна.
Я слышал: растут голоса в тишине,
Катятся вдаль волной –
Колхозники наши пришли ко мне
Потолковать со мной.

«Веди, – я услышал такие слова, –
Нас на джайляу, Жаке,
Туда, где налитая соком трава
Не вытоптана никем.
Там ветры, как шелк, там чиста вода,
Веди нас, Жаке, туда!»
И я отвечал: «Хорошо, идем», –
Поднялся и сел на коня.
Мы вместе поехали за табуном
В ласковом свете дня.

Ржали, резвясь, жеребцы-скакуны,
И, словно под звук струны,
Были сердца наши счастья полны,
Запахом трав пьяны.
Горы сверкали белой чалмой,

Парил в вышине орел,
Колхоз Ер-Назар веселый мой
Я на джайляу вел.

Вода нам навстречу бежала с гор,
Прозрачна и холодна.
И я устремил к Алатау взор...
Родная моя сторона!
Если и веки сомкну, найти
Сумею джайляу во мгле...
Будем мы добрых коней пасти
На тучной нашей земле.

ДУТЕШЕНЬЕ ДЛЯ ДУШИ

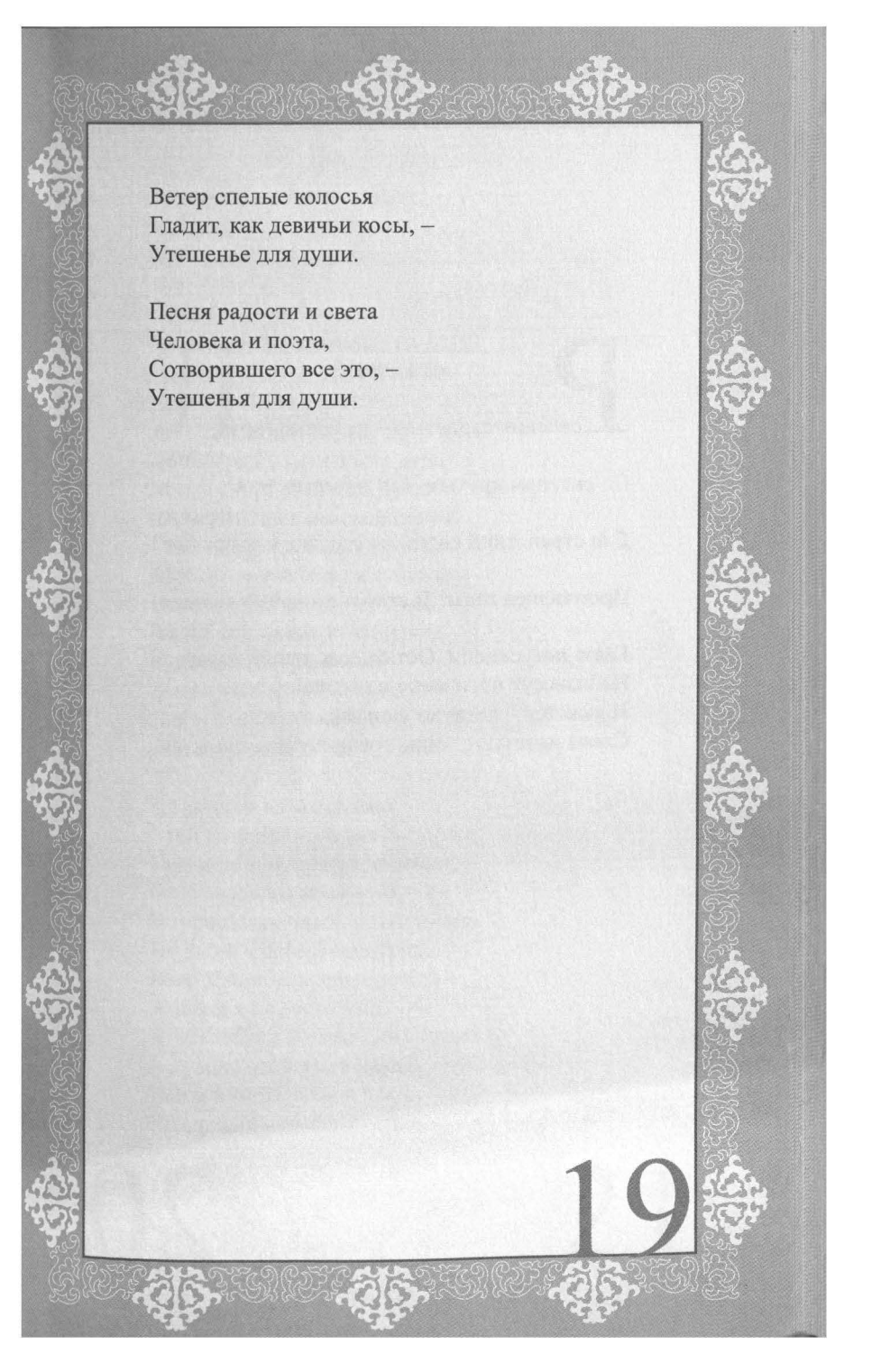
Для души твоей нетленной,
И для крови сокровенной,
И для нашей плоти брэнной
Солнце – зоркий глаз вселенной, –
Утешенье навсегда.

Розы, что ласкают взор
У подножья синих гор,
Ветра в поле дуновенья, –
Свежий вздох благословенья –
Утешенья для души.

Гладь озерного зерцала –
Без конца и без начала,
Ни объехать, ни обстать,
Дна вовеки не достать –
Утешенья для души.

Блеск невидимых плодов,
И дома в тени садов,
Колыбель – земля родная, –
Утешенья для души.

Наша слава золотая –
Нива, солнцем залитая,

Ветер спелые колосья
Гладит, как девичьи косы, —
Утешенье для души.

Песня радости и света
Человека и поэта,
Сотворившего все это, —
Утешенья для души.

Р В ГОРАХ

Ровесник столетью – на белые горы

гляжу...

По склонам крутым, как в былые лета

не хожу.

Для странствий своих не седлаю, как прежде,

коня.

Промчались годы! Я стар и спокойно лежу...

Глаза потускнели. Остыл соколиный порыв,

Не вынесут ноги меня на вершину горы,

И кажется – наглухо уши забиты мои,

Слова исчезают, лишь говор шумит, как арык.

ЛЕНИНГРАДЦЫ,
ДЕТИ МОИ!

Ленинградцы, дети мои!

Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невской струи.
Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческим я скользну, —
Вижу своды ваших мостов,
Зорь балтийских голубизну,
Фонарей вечерних рои,
Золоченых крыш острия...
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

Не затем я на свете жил,
Чтоб разбойничий чують смрад;
Не затем вам, братья, служил,
Чтоб забрался ползучий гад
В город сказочный, в город-сад.
Не затем к себе Ленинград
Взор Джамбула приворожил!
А затем я на свете жил,
Чтобы сброд фашистских громил,
Не успев отпрянуть назад,
Волчьи кости свои сложил
У священных ваших оград.

Вот зачем на север бегут
Казахстанских рельс колеи,
Вот зачем Неву берегут
Ваших набережных края...
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Ваших дедов помнит Джамбул,
Ваших прадедов помнит он:
Их ссылали в его аул,
И кандалный он слышал звон.
Пережив четырех царей,
Испытал я свирепость их;
Я хотел, чтоб пала скорей
Петербургская крепость их;
Я под рокот моей струны
Воспевал, уже поседев,
Грозный ход балтийской волны,
Где бурлил всенародный гнев.

Это в ваших стройных домах
Проблеск
Ленинских слов-лучей
Заиграл впервые впотьмах!
Это ваш, и больше ничей,
Первый натиск его речей
И руки его первый взмах!
Ваших лучших станков дары
Киров к нам привез неспроста:
Мы родня вам с давней поры,
Ближе брата, ближе сестры
Ленинграду Алма-Ата.
Не случайно Балтийский флот,

Славный мужеством двух веков,
Делегации моряков
В Казахстан ежегодно шлет.
И недаром своих сынов
С юных лет на выучку мы
Шлем к Неве, к основе основ,
Где, мужая, зреют умы.
Что же слышит Джамбул теперь?
К вам в стальную ломится дверь,
Словно вечность проголодав,
Обезумевший от потерь
Многоглавый жадный удав...
Сдохнет он у ваших застав!
Без зубов и без чешуи
Будет в корчах шипеть змея,
Будут снова петь соловьи,
Будет вольной наша семья,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Как владычицу меж владык,
Почитать я землю привык.
Ныне страшный в ней выжжен след,
Причинен ей огромный вред,
Беспощадно ее грызет
Окровавленный людоед!
Но последний близок расчет,
И земля в предверье побед.
Вся страна идет на врага,
Поднимается весь народ,
И не сломит наших свобод
Гнет фашистского сапога,
Не коснется вражья нога